

ЗВЕЗДЫ ПАДАЮТ ВВЕРХ

Повод для размышления один — но сразу о двух — в сентябре, с разницей в несколько дней, Брижит Бардо и Софи Лорен исполнилось 60 лет. Звезды идут к закату, ночная рука итога шарит по небосводу в поисках холодного пламени.

Прав, прав Сальери: нет правды на земле, но правды нет и выше! Бог венчает короной и лаврами не тех, кто терпеливым трудом и служением..., а других — недостойных, безумцев, баловней рока, всяких там мочартов и бардо. Я никогда не имела ни малейшего актерского призвания, откровенно заявляла Бардо, актриса я никакая. К счастью, это действительно чистая правда — для того, чтобы стать идолом эпохи, нужно быть каким-то сверкающим как венецианское зеркало. В нем каждый легко увидит свое отражение, отражение идеальное, нереальное, ирреальное. Нужен заговор судьбы против очередной надоевшей эпохи.

Что еще? Нужно родиться в самом сытом и сонном 16-ом округе Парижа, в алмазном кухонном чаду полусонной буржуазной семьи, проклюнуться в фальшивом сердечке буржуазного страчка перед жизнью, и тянуться вверх, вырастать под потолок родом дикого баобаба из нутра музыкальной табакерки хороших манер и сухих носовых платков, вытекать из папиного портмоне золотой змею греха, сидеть на стуле на собственных волосах длиной в метр и никогда, никогда не ставить зубную щетку в фаянсовый стаканчик, а вонзать ее в глаз или в чашку со взбитыми сливками так, чтобы только слезы — в разные стороны. Борьба не на жизнь, а на смерть.

За случайно разбитую мамину вазу — самое вежливое из всех наказаний для девочки: называть родителей на «вы». Месяц, а если надо, и год! С того дня, вспоминает Бардо, я возненавидела дом. Что ж, будем учиться науке тайной ненависти: грива убрана со лба на затылок, под иго заколок, когти втянуты в мягкие ножные лыжной лапы, лицу придано выражение невинности, белый воротничок для платья выстиран и отглажен до лилейного блеска. И все же, пишет в мемуаре о старшей младшая сестра, к Брижит тянулись все как к магниту, даже те, кто ее не любил, покорялись Брижит. Моя слава, подводит черту Бардо, создана ненавистью... Вот вам и весь рецепт триумфа: любящая ненависть и зависть мира.

Я специально так долго останавливаюсь на точке начала, по-

судьбы — 100 градусов по Цельсию рока. Или 451 градус по Фаренгейту планиды — температура, при которой только и вспыхивает бумага скрижалей...

Чувствуя свою силу и еще пугаясь ее, юный зверь продолжает укрощение плоти — девочка занимается в балетной студии при консерватории. Может быть, эти зеркала вдоль стены выпьют всю кровь из змеящих жил? Усмирят волосы? обратят плоть в невесомость лунной сильфиды из папирозной бумаги, в белый магнезий на коже балеток? Напрасно! Конфетная девочка уже табуирует с обложки «Жарден де мод» исчадием нового ада: надутые губки, щеки как розы, глаза — ажиотаж. И как чертик из табакерки, в длинной прекрасной черной машине змей-искуситель, бабник эпохи Роже Вадим Племянников, легендарный плейбой, уложивший в постель Бардо, Катрин Денев и Джейн Фонда, кинорежиссер в зеркальных очках. Он караулит балеринку у служебного входа и крадется вдоль ее знаменитой походки лоснящим боком авто, где отражается небо ее будущей славы, скрадывает лвицу в лилейном воротничке с нравом охотника на крупную дичь, распахивает дверцу в райское яблоко: здравствуй, Ева.

Так Брижит был подарен целый мир, мир абсолютной свободы, где больше не надо притворяться мертвой.

Фильм Роже Вадима «И бог создал женщину», в общем-то пустяковый фильм, где все было враньем, кроме Бардо, сделал ее добрый вечер. Сегодня нам трудно понять и вспомнить тот фонтан славы, который вознес ее к небесам, — созвездие Б. Б. стояло в зените земного небосвода не меньше 20 лет: так же надуты губки, начесаны башней прически, перекинуты как она сумку через плечо, прищуриться с вызовом, обтянуться голой грудью в дрянной свитерок, наплять потерянные джинсы, улыбаться без страха и так же плевать на всех вас, уроды! Брижит Бардо принесла французской казне валюты больше, чем экспорт автомобилей Рено.

И надо же! в 1973 году — целая вечность уже минула — она бросила кино, как надоевшую игрушку. И вез всяких сожалений. Лвица вернулась в свое звериное царство; еще в 60-е го-

вероногим, основав общество защиты зверей. Отныне все ее виллы окружены зверинцами, приютами для бездомных собак и кошек, вольерами для раненых птиц, где ее миллионы врачуют перебитые лапки, вправляют заячьи косточки, кормят и поят ланей, косуль, кентавров и единорогов. Подобно босоногой Диане появляется она в чаще, в окружении своры собак, с радостным лаем они преследуют легкий бег богини, ее слова обращены к нам с заоблачных далей альтруизма: любите братьев ваших меньших, не носите мех убитых, не обувайте стопы в кожу невинных...

Героини Софи Лорен носят меха; в смысле сути свободы она — полная противоположность Брижит. Если Б. Б. осталась вечно молодой, то Лорен рискнула на экране жить дольше своей молодости и глуже красоты, рискнула состариться прямо на наших глазах. На такое не хватило мужества даже у стальной Марлен Дитрих.

Начало Софи Лорен для меня неизвестно, мерещится нечто типично итальянское — шумное, бедное, многодетное, с сальными волосами дяди и бриллианом на любимой головке, с первым поцелуем колючих и страстных усиков парикмахера. Одним словом, полная неизвестность до пришествия кинохриста Карло Понти. Муж и продюсер! Вот кому досталась сногшибательная красота с лицом медузы горгоны, губами Моны Лизы и сенсационными бедрами Мэрилин Монро. Кругленькому низенькому Карло завидует вся усабая Италия и гладко выбритая Европа.

Не будем ханжески отрицать магическую силу желания, излучение которой сыграло известную роль в кинокарьере итальянской дивы. На мой взгляд, ее мировой успех слишком буржуазен, черты лица ее, роскошь тела слишком безупречны. Софи Лорен — есть род идеального лекала, которое ставит на место всех прочих. Это о ней, о ней писал когда-то Катулл: Все славят Квинтию красивой, а я называю ее стройной. Белой и станом прямой. Все похваляю по частям. Не назову лишь красивой. В Квинтии нет обаяния. В теле роскошном таком, искорки нету огня. Лесбия, вот кто красива! Она обездолила женщин. Женские все волшебства соединила в себе...

В идеале должно быть нем-

ного грязи. Идеальному лекалу Лорен не хватает звериной шерстки Бардо. И все же, все же, вступив в схватку с собственным совершенством манекена, Софи Лорен сумела обуглить свою красоту до крови, до дыма, до трагических глаз Марии Магдалины; наблюдая за ее Филуменой Мартурано в фильме Де Сика по пьесе Де Филиппо, носом чует этот ветерок гари, с каким пылают прекрасные глаза, сверкая тайной слезой прямо тебе в сердце.

С возрастом Софи Лорен стала более прекрасной, в этом тайна Италии, где только в состоянии руин — прекрасных руин! — Колизей или Форум достигают полного совершенства заката, в отливах золота и черных кудрях вечеряющих маслин. Сердце наслаждается грустью вечного бега. Розы, углы которых обуглены до черноты — для знатока — свежей и росистой губастой ужимкой юного пыла; так бегу богини Брижит сквозь дианские чащи не хватает той серебристой пурги седины, что делает мех чернобурки или соболя дорожке. И все же — что лучше: умереть при жизни в разгар красоты, уйти из кино, как Вивьен Ли, как Марлен Дитрих, как Лилиан Гиш или упрямо мешать восторгам памяти, даже пугать, как пугает великая старуха Жанна Моро, как Анита Экберг или Ани Жирардо? Я за гибель при жизни, за заколоченную в 1978 году парадную дверь в квартиру Голубого Ангела, что в доме на авеню Монтень, где провела свое пожизненное заключение Марлен Дитрих: 7.30 — консьержка приносит кипу газет и писем для мадам; утренний чай мадам готовит собственноручно на маленькой плите, что стоит подле кровати; ее любимый сорт чая «принц Уэльский»... мы никогда не видели старой Марлен, мы никогда не сможем узнать ее в гробу. Там, далеко, далеко, за горизонтом ночи в зазеркалье кино все они вечно юны, прекрасные богини любви и музыки соблазна: Венера, Эвтерпа, Психея, Мэрилин, Диана, Марлен, Брижит. Их лица юны, перси свежи, ноги легки и тени нетленны.

Кому же исполнилось 60? Софи Лорен? Брижит Бардо?... увы, этой осенью шестьдесят лет исполнилось всем нам. Мы стареем только с теми, кого любим и боготворим.

Анатолий КОРОЛЕВ.